

История
Людей

Роская
Учеша
Глагола

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Дизайн обложки *Веры Приймак*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Головей, Мария Геннадьевна.

Г61 Русская Голгофа / Мария Головей. — Москва : Эксмо, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-04-226309-5

«Русская Голгофа» — одно из драматичных событий русской истории. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II именно так назвал печально известный Бутовский расстрельный полигон, поскольку там погибли сотни православных священников, монахов и монахинь, прихожан.

Мальчиком Самуила забрал царский офицер из глухого селения на Крайнем Севере, обменяв на борзых щенков, и привез в Рязанскую губернию. Судьба его до определенного момента складывалась вполне счастливо — он отучился в гимназии, получил профессию и работу, женился на хорошенькой дочери священника, сам, выйдя на пенсию, стал священнослужителем. Но жил он в эпоху больших перемен — революций, Первой мировой и Гражданской войны, слома привычного уклада жизни. Судьба Самуила Бубенцова — это судьба праведника поневоле, маленького человека, который хотел жить, служить Богу и людям.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Головей М., текст, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-226309-5

памяти моих мамы и бабушки

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1

— Самуил Ермолаевич, да подумай, на что тебе это? Согласись! Зачем себе жизнь ломать?

— Да на что мне та жизнь? — священник вздохнул. У него был мягкий акающий говор, что-то напевное, подумал деревенский староста. Да и «что» иерей произносил со звонким «ч».

Деревня Мары была обычной, не лучше и не хуже, чем другие деревни и села Московской области. Душ насчитывалось с полторы тысячи. Дома добротные стояли широкими улицами, везде носились чумазые ребятишки наперегонки с рябенскими курицами, в тенистых садиках прогуливались с грудничками молодые мамы и совсем дряхлые старухи, уже более ни для чего не годные. Жизнь шла своим чередом. Пару лет назад из Рязанской губернии перевели их в разряд района, для каких таких нужд, никто так понять и не смог.

Однако голодные годы позади, все как будто бы налаживается. В деревне активно функционирует

колхоз «Передовик», где трудится почти все взрослое население Мар и соседних поселений.

— Отстань, Володенька, мне надо жену похоронить, отмучилась она. А ты тут с указивками ко мне.

Староста кивнул. Понимал, что сейчас не сдвинуть ни в какую сторону Самуила Ермолаевича. Большое горе, хоть и мучилась его София, долго мучилась.

2

Самуил прикрыл рукой глаза, переносясь мыслями в свое детство — в крошечную деревню где-то на реке Индигирка, в короткое северное лето 1874 года. Как будто ему не полагается помнить свое сиротское безрадостное существование в доме какого-то дальнего родственника с пихрой детей, помиравших чуть ли не каждые полгода, но он помнил.

Бурная мимель¹ пронесит мимо него прошлогодние листья, смываемые с крутых берегов, ветки, мелкую рыбешку, резвящуюся на неласковом солнце, да всю его жизнь пронесит, не замирает ни на минуточку.

Хочется поймать за хвост это юркое время, да не дается оно, каждый раз выскальзывает из детских ладошек, из взрослых и старческих ладоней, манит неверным мерцанием.

---

¹ Вода (чукот.).

Он не знал, когда и как умерла его мать, где сгинул отец, сколько себя помнил, он жил в доме крикливой тетки и никогда не бывающего дома дядьки. Их дети относились к нему, как и друг к другу, — с обычным детским безразличием, которое сменялось интересом только в моменты игр и бурных драк за самый вкусный кусочек оленины и ледяной рыбной строганины. Особого тепла эти дети не видели ни от кого — ни от собственной матери, ни от малочисленных соседей, разве что священник старался быть ласковым со своей паствой, да и то, похоже, чтобы не разбежались обратно к своим капищам.

Вдруг его трогает за плечо высокий, странно одетый мужчина, не из здешних — с серыми, тусклыми глазами в пол-лица, как будто эти глаза его пожирали, вбирали в себя, грозясь уничтожить:

— Мальчик, здравствуй! Ты понимаешь христианский язык?

Самуил кивнул, задумался — а ведь и верно, христианский, так и батюшка Алелекэ, Алексей, значит, и говорит: «Молвите слова христианские, а не тарабарщину языческую», хотя от имени Алелекэ так и не отрекся, радуется, когда к нему так.

— Значит, понимаешь? Но не говоришь? Немтырь?

Мальчик покачал головой, не решаясь что-либо ответить.

— Как с тобою сложно! Отведи меня к вашему старосте, голове, как у вас здесь это называется?

И мальчик повел нетерпеливого офицера к ба-
тюшке Аллекэ, в кущую деревянную церковь
с покосившейся папертью — как раз закончилась
заутреня, когда Самуил пришел к Индигирке ло-
вить время. Сдобный, весь колышущийся священ-
ник теперь уже, наверное, обедал с дряхлым дьяч-
ком и певчими в маленьком сарайчике позади
церкви, называемом трапезной.

А в глубине той храмушки грозными, почему-то
карими очами всех встречал Христос. Не спасе-
ния обещали те глаза, а огонь и меч. Зато пели там
чúдно — матушка Олимпиада, жена батюшки Але-
лекэ, грудным густым почти басом всегда дотя-
гивала вкусные аллилуйи и угощала то сушеной
кислой клюквой, то кусочками просфорок, сбрыз-
нутых сладким красным вином; и чахоточная Анка
тоненьким своим дрожащим голосочком втори-
ла иерихонской трубе Олимпиады — прибудыш
из какой-то соседней деревни, без роду-племени,
блажная.

Что с ними всеми случилось после того, как Саму-
ила забрал офицер, бог весть. Ему почему-то каза-
лось, что они перестали существовать или застыли
в том виде, в котором он их тогда оставил. И если
сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет отправить-
ся туда, к Индигирке, то можно застать и старого
Аллекэ с его Олимпиадой, и блажную Анку, пере-
бирающую дрожащими пальцами засаленные чет-
ки, и тетку с дядькой в своем дряхлом домишке...

О чем там разговаривали священник с офицером, Самуил не знал, он поплелся домой, к дядьке, надеясь на скудный обед, может, на лишний кусок хлеба, который сегодня утром месила ичтай¹, хотя, по правде-то, никакая она ему не тетка, а Танат — никакой не дядька, а какие-то в пятом колене родственники покойной матери.

Как это всегда бывает в больших семьях, вся детвора, включая парочку соседских чумазных мальчишек, уже устроилась за большим грубым столом и ожидала, когда хозяйка поставит на стол большой горшок с опаней, жирным супом из обрезков, оставшихся после разделки оленя, и тарелку с горячим еще после печи хлебом.

Маленькому и щуплому Самуилу всегда доставалось локтями по выпирающим ребрам, а вот по хлебки и хлеба — как придется. Но сейчас мальчик был голоден и беспокоен после встречи с нездешним офицером, поэтому угрюмо сам расталкивал галдящих друзей, стараясь занять место посерединке, поближе к еде.

Ичтай — особенно злая и крикливая — остервенело стукнула горшком об стол, расплескивая содержимое, и принялась отчитывать по очереди каждого, на кого у нее падал взгляд. А уж когда ее ледяные синие глаза дошли до Самуила, она и во все как взбеленилась, подскочила к нему, несмотря

---

¹ Тетка (чукот.).

на свою неповоротливость из-за кривой ноги, схватила за ухо и выволокла из-за стола.

— А ну иди! Иди, говорю! Что ты натворил? Украл что у офицера, эйвачергин¹?

Так за ухо тетка и вытащила сопротивляющегося, разревевшегося от несправедливости мальчика на улицу, швырнула под ноги удивленному офицеру.

— Забирай, хоть три шкуры с него сдери. Лишним ртом будет меньше!

Офицер в нерешительности почесал неаккуратные усы, что-то прикинул в уме.

— Ты лошадь и сапоги чистить умеешь?

Мальчик поднял заплаканные, чуть раскосые глаза на офицера и кивнул. Заношенные коротковатые штанишки сильно съехали, пока тетка тащила его из дома во двор, поэтому мальчик старался незаметно их подтянуть.

— Мамаша, коли тебе мальчишка не нужен, то отдай его мне. Денег у меня нет, чтобы его выкупить, а вот хорошие злые щенки найдутся, сука родила с месяца два назад. Злые щенки, сильные. Тебе в этих краях как будто не помешают, а то муж возьмет, когда оленей погонит.

Ичтай прищурилась, сплюнула.

— Да так забирай! Хотя... хорошие, говоришь, щенки? Злые?

---

¹ Сирота (чукот.).